

С.А. Штырков. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах северо-восточной Новгородчины). СПб.: Наука, 2012. 228 с. (серия *Kunstkamera Petropolitana*)

Рецензируемая монография известного петербургского учёного С.А. Штыркова, на мой взгляд, отвечает на два важных вопроса историографии. Прежде всего, прочитавший эту книгу поймёт, каковы источниковедческие возможности исторических преданий. Одновременно Штырков досконально рассматривает вопрос об этиологии преданий о литве (варианты: татарах, панах, шведах), как правило, связанных в традиции осмысления ландшафта со средневековыми погребальными комплексами. Выбранный для исследования регион, восточные районы современной Новгородской обл., с одной стороны, находится вдалеке от важных магистралей и имеет традиционный аграрный (с 1930-х гг., после перестройки экономики РСФСР – лесозаготовительный) хозяйственный уклад; а с другой – хорошо обеспечен источниками по истории крестьянского расселения в XVI–XVIII вв. Предания о литве, тексты о провалившихся церквях, бытующие в крестьянском нарративе данного региона, соблазнительно связывать с событиями конца XVI – начала XVII в. Так и поступает местная краеведческая и церковно-приходская литература.

Книга Штыркова является исчерпывающим источниковедческим исследованием этих исторических преданий. Значение её в значительной степени в том, чтобы дать историку механизм для работы с таким типом фольклорных источников и разобраться, в каких случаях возможно, а в каких невозможно соотносить фольклорные тексты с историческими событиями и как это следует делать.

Ключевой гипотезой автора является утверждение о локальности нарратива об иноземном нашествии. Такой подход открывает новый путь исследования фольклорных материалов и их привлечения для

топографических и историко-географических исследований. Штырков пишет: «Препятствием для применения подобного подхода является жанровое деление, которое сложилось в фольклористике, изучающей устную несказочную прозу. Так, предания о происхождении объектов и локальных ритуальных практик попадают в сферу интересов специалистов по легендарной традиции, рассказы о “чудах”... рассматриваются в рамках проблематики, связанной с низшей демонологией и т.д.» (с. 11). В его же книге материал сгруппирован по иному, локальному принципу, причем свидетельства фиксировались «вне зависимости от мастерства рассказчика» (с. 12). Особая роль при выборе записей, релевантных проблеме, вынесенной в заголовок книги, отводится интервьюеру, так как, к сожалению, большинство опубликованных в XIX–XX вв. устных рассказов, как пишет Штырков, деконтекстуализированы, т.е. лишены своей локальной привязки.

Важными представляются историографические наблюдения автора. Он справедливо замечает, что до 1980-х гг. «предания привлекали внимание только историков, активно обсуждавших проблему достоверности легендарной традиции» (с. 14). Мне уже приходилось писать о том, что в трудах значительной части современных петербургских историков и археологов (А.Н. Кирпичникова, Е.Н. Носова, С.В. Белецкого и др.) часто можно встретить столь же некритическое отношение к данным Начальной летописи, когда в научной литературе серьёзно обсуждается вопрос о времени и месте прихода Рюрика на Русь, а легендарная традиция «Повести временных лет» воспринимается как прямой источник, повествующий о достоверной последовательности событий. В качестве

само собой разумеющейся логической презумпции эти учёные предполагают первичность события по отношению к рассказу. Штырков же пишет: «Вплоть до 1980-х годов учёные, занимавшиеся преданиями, ориентировались прежде всего на извлечение из собранных текстов исторической информации» (с. 16). Такой подход полностью дезавуируется в рецензируемой книге (хотя сюжет о Рюрике историк не затрагивает). Замечу, что потребительское отношение историков к историческим преданиям, взгляд на них как на «источник информации» присутствует и в ряде исторических исследований последних лет. Тому есть причины ненаучного характера¹.

Штырков рассматривает «сконструированное прошлое» как важную часть исторических представлений традиционных крестьянских обществ. Учёный пишет, что «привычная нам история – цепь следующих друг за другом фактов – даже в локальном её варианте не знакома носителям традиции» (с. 33). Исторические предания являются не «устной народной историей» (наподобие облегчённого варианта книжной, профессиональной), а этиологическими рассказами, описывающими происхождение того или иного объекта. Далее он рассматривает функцию такого рассказа в традиционной крестьянской культуре и убедительно показывает, что она заключается в том, чтобы создать определённый локус для «мира чужого».

Очень важна источниковедческая установка Штыркова: морфология исторических преданий устойчива; она не меняется с течением времени и «распространением научных знаний» (термин С.Н. Азбелева); точно так же устойчива и их функциональная направленность. Выбранный автором книги пример предания о Шум-горе в Батецком районе Новгородской обл. (зафиксирован впервые ранее 1878 г., а самим автором – в 1997 г.) отлично иллюстрирует эту установку. Штырков показывает, что несмотря на влияние школьного знания (об «интервентах»-монголах), городской историографии (о Литве – одной из прибалтийских республик), морфология предания и его функция объяснения местных ландшафтных особенностей сохраняется.

На протяжении всей книги автор справедливо предостерегает от прямого использования в исторических исследованиях текстов народной несказочной прозы. Так, мотив провалившейся церкви, бытующий в фольклорных текстах Северо-Запада России и связываемый локальной традицией с тем или иным реальным объектом, разумеется, не должен наводить историка на мысль о неизвестном разрушении некоего сельского храма, происшедшем в прошлом (чему надо искать подтверждение в письменных источниках). Напротив, при поиске известного по письменным источникам уничтоженного в XVI–XVII вв. сельского храма невозможно не учитывать исторический нарратив традиционного крестьянского общества, связанный с определённой точкой ландшафта. Такой метод, кстати, имеет позитивный опыт применения в исследованиях С.З. Чернова, посвящённых подмосковным сёлам². Поясню это несколькими примерами.

Общеизвестно, что в конце XVI – начале XVII в. на русском Северо-Западе произошла коренная ломка сложившейся в течение предшествующего столетия системы расселения. Я не буду здесь подробно останавливаться на дискуссии о причинах и этапах данного явления. В 1990-х гг. мне довелось специально заниматься историей сельского расселения в одном из районов на основе писцовых и переписных книг конца XV – середины XVIII в. Важным направлением такой реконструкции стал поиск местоположений церквей, уничтоженных на рубеже XVI–XVII вв. и более не возобновлявшихся. На территории бывшего Которского погоста Шелонской пятины (ныне восточная часть Плюсского района Псковской обл.) таких объектов насчитывалось четыре: во всех случаях были зафиксированы местные предания о «провалившейся церкви»³. Я далёк от мысли искать в каждом таком предании «историческую основу»; вместе с тем важным обстоятельством представляется фактор своеобразного «усиления» традиционного сельского нарратива в письменных источниках XVI–XVII вв., основанных на визуальной проверке тогдашними чиновниками сохранившихся и не сохранившихся объектов. Дело в том, что «уничтоженные

церкви» также являлись объектами государственного кадастра в XVI–XVIII вв. Приезжавшие на место представители администрации должны были выяснить текущее состояние такого объекта (церкви): стоит ли она, стоит ли «без пения» или от неё осталось лишь «место церковное».

Интересны наблюдения Штыркова относительно распространённого агиографического и фольклорного нарратива об ослеплении покушающихся на ту или иную святыню врагов. Исследуя тему слепоты/ослепления в библейской традиции, а также в русской агиографии XVIII–XIX вв., автор подробно показывает, что мотив «ослепления литвы» возникает как рецепция агиографического сюжета народной традицией. Появление «литовского разорения» в народных текстах Штырков справедливо увязывает с потребностью объяснения ландшафта. Но важно понять и другое: до конца не ясным оказывается появление собственно образа «литвы» в данном нарративе. Я не могу здесь предложить ответ на данный вопрос, однако очевидно, что объяснение не должно лежать в сфере «народной исторической памяти» или чего-то в этом роде; оно должно быть сложнее и учитывать такие факторы, как народное просвещение XIX в., агиографическую традицию XVII–XVIII вв., а возможно и фискальную традицию (точнее, предполагаемую форму диалога писцов и дозорщиков с местным населением) XVII в. Если мотив ослепления был «рецепцией агиографического сюжета народной традицией», то резонно задать вопрос, а рецепцией чего является образ литвы (шведов, татар и проч.) в крестьянском нарративе?

Автор проявляет недюжинную эрудицию в области агиографической литературы, при этом (с. 95 и далее) чётко ограничивает познавательные возможности житийных источников только XVIII–XIX вв. В самом деле, практически невозможно проследить в крестьянском нарративе, зафиксированном в XX–XXI или даже в XIX в., тексты, созданные ранее, нежели Четьи-Минеи епископа Ростовского Димитрия. Вместе с тем распространение данного агиографического компендиума в сельском быту сомнений не вызывает.

В конце книги Штырков, возвращаясь к осмыслению места преданий об иноземном нашествии в крестьянском нарративе, вновь пишет о роли собирателя/интерпретатора этих преданий. Справедливо замечание учёного о том, что предание для большинства собирателей – скорее народная мудрость, нежели сказание. Но большинство исследователей всё же видели источник предания в историческом событии: «Выражение “народное предание”, особенно высказанное клириком (добавлю: и учёным. – А.С.), демонстрирует, что он в какой-то мере верит в правдивость этого повествования» (с. 123, примеч. 1). Действительно, подчас в серьёзной научной работе можно встретить в качестве характеристики того или иного источника утверждение о том, что оно «базируется на воспоминаниях очевидцев события» и поэтому, дескать, является достоверным⁴. Несомненно, что даже в тех случаях, когда связь источников с такими «воспоминаниями» доказательна, последние следует оценивать как исторический конструкт, «меморат», а значит – относить к фольклорной несказочной прозе (или, говоря более нейтрально, к устной нарративной традиции) и воспринимать именно как источник этой категории.

Во второй половине XVI в. в селе Большое Никулино (ныне Любытинский район Новгородской обл.) была построена Успенская церковь (существовала уже к 1599 г.). По всей вероятности, в XVII в. она была перестроена, а в 1978 г. перевезена в музей-заповедник «Витославлицы». В окрестных деревнях многократно зафиксировано предание о происхождении хранившихся в церкви почитаемых священнических риз (в книге они названы «Никулинской легендой»): якобы имевшем место нападении на церковь в Большом Никулине «литвы», зарезавшей священника (и окропившей его ризу кровью) и тут же «ослепшей» (с. 125–126 и далее)⁵. Штырков убедительно показывает роль Тихвинского Богородичного Успенского монастыря в формировании «Никулинской легенды», моделируя не только источник легенды, но и возможные механизмы его передачи в крестьянскую среду. Автор пишет: «Я... далёк от мысли видеть в подобном творчестве сознатель-

ное выдумывание» (с. 129); процесс этот сложнее – «определённые типы фольклорной прозы перелагаются клириками в то, что можно назвать “нарративом священника”» (с. 132, примеч. 2).

В заключение Штырков подводит важнейшие, на мой взгляд, итоги книги. Исторические предания об иноземном нашествии рассматриваются им не в качестве источника по местной истории, а в их функциональном аспекте, в контексте происхождения мотивов и в соотношении с практикой почитания местных святых. Эти циркулирующие в традиции тексты, по Штыркову, отражают сходные представления о прошлом (или сходные механизмы его «конструирования»). В рассматриваемом регионе среди таких представлений – мотив «литовского разорения» – некой катастрофы, в результате которой «было уничтожено древнее население края и сформировался тот мир, в котором живут современные крестьяне» (с. 178).

Не хотелось бы омрачать рецензию мелочными замечаниями, но от двух не удержусь. На протяжении текста автор дважды именует Новолadoжский уезд Волховским (тогда как последний существовал только в 1926–1927 гг., после открытия Волховской ГЭС). В одном из примечаний он, следуя за рассказчиком предания, использует термин «дьяк», хотя речь, несомненно, идёт о сельском дьячке (с. 178).

Книга С.А. Штыркова чрезвычайно полезна именно историкам. В исторической среде существует два типа отношений к фольклорным источникам, восходящих к дискуссиям ещё середины XIX в. Первый – скептическое их восприятие, полный отказ от привлечения данных нескazочной прозы для исторических реконструкций. Второй – «позитивистское» отношение, предполагающее, что исторические исследования могут найти опору в «народной памяти» как источнике «правды». Рецензируемая книга демонстрирует,

что реальное место данных нескazочной прозы в исторических и историко-географических исследованиях можно оценить, только опираясь на скрупулёзный анализ как семантики, так и прагматики данного вида текстов. Подменять такой анализ поисками в этих текстах «фактической основы» и «достоверной информации», по меньшей мере, наивно. Полагаю, что осознание этого историками, обращающимися как к изучению локальной историко-географической проблематики, так и к легендарному материалу другого рода, к примеру, содержащегося в летописных памятниках, может привести к новым продуктивным наблюдениям.

А.А. Селин

Примечания

¹ Селин А.А. Старолadoжский миф в академическом дискурсе последних лет // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. № 1(11). С. 117–126; *он же*. Куда был призван Рюрик // *Родина*. 2012. № 9. С. 74.

² Чернов С.З. Комплексное исследование и охрана русского средневекового ландшафта (по материалам древнего Радонежского княжества). М., 1987; *он же*. Домен московских князей в городских станах. 1271–1505 годы. М., 2005.

³ Селин А.А. Которской погост Шелонской пятины: сюжет средневековой сельской истории // *Археология и история Пскова и Псковской земли* 1993 г. Псков, 1994. С. 54–57; *он же*. Предания о сельских храмах и археологические реалии XIV в. // *Церковная археология. Материалы 1-й Всероссийской конференции*. Псков, 20–24 ноября 1995 г. Ч. 2. Христианство и древнерусская культура (Археологические изыскания. Вып. 26. Ч. 2). СПб.; Псков, 1995. С. 120–122.

⁴ Хрусталёв Д.Г. Северные крестоносцы. Т. 2. СПб., 2009. С. 211.

⁵ Вихров А., *прот.* Из поездки в пог. Рагушино на освящение придельного храма // *Новгородские епархиальные ведомости*. 1902. № 16. С. 936–938.